

Купленные заранее украшения состояли из нескольких частей, которые нужно было аккуратно разрезать ножом, чтобы получились ровные полоски. Дедушка, подготовив всё необходимое, вернулся к своим делам, оставив Чэн Лана и Цзян Дуна отвечать за все украшения в доме — не только на воротах, но и на дверях комнат, на стенах и над входом.

Цзян Дун поднял верхнюю часть украшения, красную бумагу с золотыми иероглифами, которая при лёгком встряхивании рассыпалась блёстками.

Перевернув её, он нанёс клейстер и, встав на цыпочки, протянул украшение Чэн Лану, который уже несколько минут стоял у стены, примеряя, как оно будет смотреться.

— Осторожно, не упади, — предупредил он. — Украшение сыпется блёстками, не запачкайся.

Чэн Лан наклонился, взял украшение, затем выпрямился и поднял его повыше.

— Как, нормально?

Цзян Дун отступил на два шага.

— Немного левее.

— Вот так?

— Да, держи, подними выше.

Чэн Лан послушался.

— Окей, — щёлкнул пальцами Цзян Дун. — Можно закреплять.

— Хах, опять за своё?

Чэн Лан усмехнулся, прыгнув с табурета и отступив назад, чтобы встать рядом с Цзян Дуном. Осмотрев только что повешенное украшение, он кивнул:

— Хорошо, давай следующее.

Пока Цзян Дун наносил клейстер на следующее украшение, он оглянулся на переулок и заметил, что несколько домов уже начали украшать свои двери. Как и они, одни вешали украшения, другие наносили клейстер, а у одного дома стояла маленькая девочка, которая, смеясь, мешала взрослым.

Всё было шумно, празднично и уютно.

Настоящее процветание.

— Готово, — хлопнул в ладоши Чэн Лан, пока Цзян Дун отвлёкся, и повесил украшение. Ворота были симметричными, и сверху красовалась горизонтальная надпись. — Выглядит очень

празднично.

Цзян Дун повернулся.

Красная бумага сияла, золотые иероглифы сверкали.

— В высоком месте богатство процветает, счастье освещает дом, и богатство приходит.

— Пусть все желания сбудутся.

Цзян Дун медленно проговорил эти слова, и вдруг в его сердце потеплело. Это тепло, словно тающий лёд, превратилось в ручеёк, который, протекая, оживлял всё вокруг.

Как будто иссохшая земля, страдавшая от голода целую вечность, вдруг озарилась золотым светом, и раны затянулись, а деревья и цветы пробудились.

Пусть все желания сбудутся.

— О чём думаешь? — вдруг раздался голос рядом.

Цзян Дун вздрогнул, и его мысли, блуждавшие где-то далеко, вернулись в реальность.

Он растерянно посмотрел в сторону голоса.

Чэн Лан смотрел на него с лёгкой улыбкой, его взгляд был спокоен.

— Куда ещё нужно вешать украшения?

— ...

Чэн Лан на секунду задумался, затем ответил:

— Давай сначала украсим двери во дворе.

Цзян Дун кивнул и, не меняя выражения лица, первым зашёл во двор, оставив Чэн Лана у ворот с руками, окрашенными в красный цвет, словно он перевернул коробку с чернилами.

Новогодний ужин оказался таким же обильным, как и говорил Чэн Лан. Курица, утка, рыба, овощи, фрукты и напитки — всё, что можно было найти на рынке, оказалось на столе.

В семье Чэн Лана на Новый год не ели пельмени — их оставляли на утро, на первый день нового года.

План был таков: ужин, просмотр новогоднего шоу, сон, утренние пельмени, фейерверки и поздравления.

Когда Цзян Дун был ребёнком, он тоже с нетерпением ждал Нового года, но обычно это был только он и мама. Домашняя помощница уходила праздновать, и они оставались вдвоём, отмечая праздник довольно формально. Это было совсем не похоже на то, как праздновали в деревне.

Поэтому Цзян Дун чувствовал себя как в новом мире.

С тех пор как он приехал в деревню, он стал похож на большого простака, постоянно спрашивая, что это, как это работает и для чего нужно.

За новогодним столом сидели четверо, и хотя Цзян Дун ещё не был совершеннолетним, ему тоже налили немного вина, но совсем чуть-чуть, как сказал дедушка, для праздничного настроения.

Это вино он сделал сам, оно было светло-жёлтого цвета, без пены, и выглядело как пиво. Но Цзян Дун был уверен, что крепость у него гораздо выше.

По команде бабушки все начали есть.

Хотя это был всего лишь «праздничный ужин», дедушка настоял, чтобы Чэн Лан принёс из кладовки большой круглый стол, который они тщательно вымыли и поставили в комнату. На столе было столько еды, что она едва помещалась, и четверо человек ели из более чем десяти блюд.

К счастью, Цзян Дун послушал совета Чэн Лана и не стал наедаться в обед, иначе сейчас он бы только смотрел на еду.

— Давай, звёздочка, — бабушка, съев несколько кусочков, подняла бокал, наполненный домашним вином. — Выпьем за твою учёбу, пусть все оценки будут на высоте!

— Этого не будет, — усмехнулся Чэн Лан, отложив палочки и тоже подняв бокал. — У старшеклассников оценки не из ста баллов. Не говори ерунды. Маньтоу, желаю тебе...

— Эй, — Цзян Дун быстро чокнулся с ним, затем с бабушкой и сказал:

— Не надо, всё уже в вине.

Бабушка, слегка смутившись, но всё ещё сияя, как её красный свитер, сказала:

— Тогда желаю тебе, чтобы все твои желания сбывались! И чтобы становился всё краше!

— Это можно, — согласился Чэн Лан.

Дедушка, смеясь, продолжал есть арахис.

Когда все наелись, бабушка отправила их смотреть телевизор, а сама с дедушкой занялась уборкой. Чэн Лан, привыкший к этому, спокойно щёлкал семечки, а Цзян Дун сидел, не зная, куда себя деть, и хотел помочь.

Чэн Лан, заметив это, похлопал его по ноге. Вино дедушки действительно было крепким, и на лице Цзян Дуна уже появился лёгкий румянец, но его глаза всё ещё блестели, и он был в сознании.

— Сиди спокойно, — сказал Чэн Лан. — Иначе бабушка рассердится.

— Почему?

— Не любит, когда её считают старой, — тихо объяснил Чэн Лан. — Ей не нравится, когда к ней обращаются на «вы».

Цзян Дун усмехнулся.

В этот момент в кармане зазвонил телефон. Это был уже не первый звонок с начала ужина.

Чэн Лан мельком взглянул в его сторону, затем снова перевёл взгляд на телевизор. До начала новогоднего шоу оставалось десять минут.

С тех пор как Цзян Дун приехал в деревню, он видел столько нового, что почти не пользовался телефоном. Сейчас он достал его и открыл WeChat, где было множество сообщений с непрочитанными уведомлениями.

Брат Чжоу прислал ему красный конверт, и это было то самое сообщение, которое только что пришло.

Тётя тоже отправила ему красный конверт днём, когда он наблюдал, как дедушка жарил семечки.

Цзян Цзяньго... как и ожидал Цзян Дун, не написал ни слова, и их переписка уже была удалена.

Получив конверты и поздравив всех с Новым годом, Цзян Дун заглянул в группу класса, где все активно обменивались красными конвертами. Это было не слишком интересно. У них также была своя группа в общежитии, которая тоже была оживлённой.

Цзян Дун открыл её, и сообщения начали появляться одно за другим, видимо, они уже давно общались.

[Сюй Фэй]: Вот я и говорю, каникулы — это зло. Никто не выдерживает.

[Чэнь Чжэньюй]: У меня тоже интернет отключили. Мама сказала, чтобы я завтра пошёл работать. Эх.

[Сюй Фэй]: Ты уже взрослый, тебе повезло. Я тоже хочу работать, но родители и родственники достают, всё спрашивают, как я сдал экзамены. Они что, сами не знают??

[Ван Пэн]: Вы оба ничто, Дун до сих пор в школе и молчит. Он что, не знает, что сегодня тридцатое?

[Чэнь Чжэньюй]: @Цзян Дун

[Сюй Фэй]: @Цзян Дун

[Цзян Дун]: Что?

[Ван Пэн]: Эй, ты в школе? Хочешь приехать ко мне на Новый год? Я скажу маме, чтобы она тебе конверт дала.

[Сюй Фэй]: А мне?

[Чэнь Чжэньюй]: Мне тоже, можно двести?

[Цзян Дун]: Нет.

[Ван Пэн]: Тебе дерьма нужно? [глазки]

[Ван Пэн]: Тогда где ты? Дома? Ты же говорил, что не поедешь. Вернулся праздновать? Я же говорил...

[Цзян Дун]: [локация]

[Ван Пэн]: ??? Ты переехал???

[Сюй Фэй]: Ого, это же деревня. Ты в родное село вернулся?

[Чэнь Чжэньюй]: У него же нет родного села, он местный [глазки]

<http://bllate.org/book/15499/1374899>